

—
Вернувшись в поместье Цзинь, Фу Мин застал слуг, развозящих лёд в покои хозяев.

В прежние годы в поместье Фу Фу Мину удавалось получить немного льда лишь в самые жаркие дни года. В поместье Цзинь лёд использовался довольно рано и щедро.

Фу Мин велел Вань Лань и другим отделить большую тарелку льда из ведра, доставленного в Фан Мань Тин, и поставить её в маленьком кабинете. Остальное он велел перенести в комнаты слуг.

Вань Лань спросила: «Гунцзы, зачем переносить его в наши комнаты? Лучше поставьте у вашей кровати, ночью будет прохладнее спать».

Фу Мин засмеялся: «Я не боюсь жары, к тому же, в моей комнате не жарко. А в ваших комнатах по-другому, после полудня солнце светит прямо, и проветривается плохо, целый день на солнце, а ночью разве не как пароварка?»

«Но это для Гунцзы».

«Да, я Гунцзы, и я говорю, как это использовать. Ладно, перенесите».

Голос Фу Мина был твёрд. Вань Лань, зная его характер, хоть и продолжала сомневаться, но больше всего чувствовала смешанное чувство горечи и сладкой благодарности. Она позвала маленькую служанку и вместе с ней понесла лёд.

После их ухода Фу Мин спросил Люй Фэй, была ли у покойной госпожи Чжоу младшая сестра. До и после замужества в поместье Цзинь Люй Фэй тайно расспрашивала о многих вещах, касающихся поместья Цзинь, чтобы её господин не пострадал из-за незнания ситуации.

Она немного подумала и ответила: «У покойной госпожи были родные брат и сестра. Покойная госпожа была старшей сестрой, а за ней следовали брат и сестра. Господину Чжоу сейчас около восемнадцати или девятнадцати лет, а госпожа Чжоу немного моложе, ей должно быть четырнадцать».

Фу Мин кивнул. Люй Фэй спросила: «Гунцзы, почему вы вдруг спросили об этом?»

Фу Мин ответил: «Ничего, просто так спросил».

«О», — Люй Фэй улыбнулась, — «Скоро, Гунцзы, вы, возможно, встретите этих двоих. Говорят, что они очень красивые и порядочные молодые господа!»

«Да?»

«Угу. Через полмесяца будет поминальный день по покойной госпоже. Ежегодно семья Чжоу приходит, чтобы почтить её память».

—
Как и сказала Люй Фэй, когда в поместье расцвели лотосы, семья Чжоу прислала людей, чтобы почтить память покойной госпожи. Прибывшими оказались родные брат и сестра покойной госпожи Чжоу. По крайней мере, внешне они оба были очень красивы, их манеры были

достойными и вежливыми, что действительно вызывало симпатию.

После того как они вдвоём с Цзинь И и Чжаоянем поклонились старшей сестре в храме предков, госпожа Чжоу Хуанцин была взята за руку Жэньлань и вместе с Чжаоянем отправилась в комнату старой госпожи. Брат госпожи Чжоу, Чжоу Чэнъянь, был принят Цзинь И и Фу Мином.

Это был первый раз, когда Фу Мин, как супруг Цзинь И, встречал внешних гостей. Это не означало, что Цзинь И действительно признал статус Фу Мина, это было лишь проявлением уважения к семье Чжоу.

Все трое сидели в главном зале и пили чай. Виноград, дыни и личи, остывшие во льду, источали прохладу и свежий аромат.

Цзинь И и Чжоу Чэнъянь обменялись несколькими формальными фразами, после чего им больше нечего было сказать. Фу Мин, видя напряжённую обстановку, взял личи и с улыбкой сказал: «Одна конница по красной пыли, наложница смеётся, никто не знает, что это личи прибывают. Во времена династии Тан, чтобы отведать свежих личи, сколько людей непрерывно путешествовали днём и ночью. Сегодня в столице водный транспорт развит, а сохранение овощей и фруктов хорошо налажено, не говоря уже о нас, даже простые люди, потратив несколько монет, могут купить несколько личи на рынке, чтобы попробовать».

Чжоу Чэнъянь согласился: «Именно. Недавно я ходил на рынок и обнаружил, что не только речная рыба в изобилии, но и морская рыба видна повсюду. А ещё различные фрукты, привезённые с юга, и некоторые новые диковинки из-за моря, действительно есть всё. Эти виды, не существовавшие в живописи и каллиграфии прошлых династий, поистине великолепны».

Они вдвоём обменивались репликами, обсуждая все от процветания рынка до обычаев и нравов, и имели тенденцию к дальнейшему распространению темы. Цзинь И небрежно обменялся несколькими словами и, поняв, что без него им будет легче разговаривать, под предлогом удалился, попросив Фу Мина хорошо принять Чжоу Чэнъяня.

После ухода Цзинь И, Чжоу Чэнъянь сделал глоток чая и глубоко вздохнул.

Фу Мин засмеялся: «Чэнъянь боится своего зятя?»

Чжоу Чэнъянь неловко улыбнулся: «Немного. Раньше, когда моя старшая сестра была жива, я приходил в это поместье поиграть. Я был тогда маленьким, озорным, и зять меня несколько раз поучал». Затем он изобразил, как Цзинь И поучал его, чем рассмешил и Фу Мина, и самого себя.

Фу Мин перестал смеяться, но его брови всё ещё были расслаблены: «Судя по всему, это вполне ожидаемо».

Чжоу Чэнъянь сказал: «На самом деле зять очень хорошо относился к моей сестре и к нам. Просто он слишком немногословен. Я очень восхищаюсь своим зятем, но на самом деле не хочу оставаться с ним наедине. Брат Мин, ты очень отличаешься от него, в будущем, когда я приду в поместье Цзинь, мне не придётся в одиночку сталкиваться с этим холодным человеком, это так хорошо!»

Фу Мин улыбнулся и покачал головой, наполовину удивленный, наполовину беспомощный. Говорить такое о своём зяте в присутствии его супруга, этот младший брат был действительно

бесцеремонно откровенен.

Чжоу Чэнъянь, видя доброжелательное выражение лица Фу Мина, подумал и снова сказал: «Брат Мин, не мог бы я сегодня пообедать у тебя? Мы вдвоём поедим».

«Почему?»

«Раньше мы всегда обедали во дворе зятя. Но каждый год в этот день зять отправляется в бывший двор сестры и остаётся там на некоторое время. Когда он возвращается, он всегда не в лучшем настроении, и я весь обед не чувствую вкуса еды. Если зятю понравится, что я составлю ему компанию, тогда мне всё равно, что я плохо поем. Но мне кажется, что зять на самом деле больше хочет уединения. Кроме того, брат Мин, ты ведь тоже не хочешь обедать в такой тихой и угнетающей обстановке, верно?»

Фу Мин ответил: «Тогда сначала пусть кто-нибудь сходит и спросит. Твой зять сейчас в бывшем дворе покойной госпожи? Не помешает ли его беспокоить?»

«Нет, не помешает. Зять никогда не сердится на других. И к тому же, двор сестры после её смерти не является каким-то запретным, туда можно приходить».

Раз так, Фу Мин велел Люй Фэй пойти.

Но кто-то уже прибыл раньше Люй Фэй.

Чжоу Хуанцин сидела в комнате старой госпожи, а затем, под предлогом желания ещё раз посетить место, где жила её старшая сестра, отправилась сюда со своей личной служанкой. У ворот двора она отослала свою служанку и одна вошла во двор.

Цзинь И действительно был там. Он читал свиток «Сутры сердца», вышитый руками покойной госпожи, в тени деревьев во дворе:

Когда Бодхисаттва Авалокитешвара, практикуя глубокую праджняпарамиту, озарил пять скандх и увидел их пустоту, он преодолел все страдания и бедствия...

Покойная госпожа Чжоу когда-то говорила, что Цзинь И с детства занимался боевыми искусствами, и хотя обладал праведным духом, но неизбежно был слишком жёсток. Позже, сражаясь на поле боя, хотя это было ради защиты дома и страны, он всё же совершал убийства. Поэтому при жизни, поддерживая больное тело, она вышила для него этот свиток «Сутры сердца», призывая его всегда молча читать его в сердце. Так, каждый год в этот день Цзинь И молча читал здесь «Сутру сердца», очищая себя.

Сегодня Цзинь И не был одет в тёмное, как обычно, а в белые одежды и простую обувь. Зелень двора, казалось, окрасила его незапятнанную одежду и кончики пальцев, касающиеся иероглифов.

«Зять по-прежнему так помнит сестру, если сестра смотрит с небес, она сможет улыбнуться», — раздался нежный и мягкий голос.

Цзинь И поднял голову, обнаружил, что это Чжоу Хуанцин, и встал, предлагая ей сесть. Чжоу Хуанцин покачала головой, не желая садиться, лишь стоя и осматривая двор, словно улыбаясь сквозь слёзы: «Зять велел сохранить этот двор таким, каким он был тогда. Хуанцин ещё помнит, как, когда я была ребенком, зять танцевал здесь с мечом для сестры и для меня, словно это было вчера».

Цзинь И ответил: «Годы летят незаметно, вот уже несколько лет прошло. Ты уже выросла».

Чжоу Хуанцин сказала: «Да, выросла. Зять скорбел по сестре три года, и Хуанцин выросла за эти три года».

Цзинь И молчал, но Чжоу Хуанцин не сдавалась и прямо сказала: «Как сестра поручила зятю на смертном одре?»

Цзинь И удивлённо спросил: «Ты узнала?»

Чжоу Хуанцин ответила: «Как же мне не узнать? Ведь это я просила у сестры!»

«Ты...»

«Поэтому все эти годы я думала, что зять ждал меня... ждал, пока я вырасту. Но кто бы мог подумать, что через три года ты женишься на другом».

Цзинь И помолчал, затем ответил: «Я подвёл Сыжу, мне стыдно перед ней».

«Нет», — в глазах Чжоу Хуанцин навернулись слёзы. «Зять подвёл, очевидно... очевидно...» Слово «меня» в конце концов было проглочено. Она вздохнула и снова сказала: «Я знаю, зять женился не по своей воле».

Цзинь И больше ничего не говорил, снова взял «Сутру сердца» и начал читать её про себя.

Чжоу Хуанцин смотрела на него, и немного погодя осторожно спросила: «Зять знает, что о госпоже, которую ты так ценишь в своём сердце, моей сестре, отзываются пренебрежительно?»

Цзинь И поднял голову: «Откуда это?»

Чжоу Хуанцин рассказала ему о своей встрече с Фу Мином, когда она в прошлый раз выходила из дома, и добавила: «Как только я упомянула сестру, его лицо стало недовольным. Я хотела объяснить, но он сказал, что умершие люди, с тонкой судьбой и короткой жизнью, что ещё можно сказать, и затем отвернулся. Зять, я знаю, что ты женился на нём без радости в сердце. Но как бы то ни было, раз уж он вышел за тебя замуж, он должен уважать сестру, но он так презирает её. Всегда видна только улыбка нового человека, где же слышны слёзы старого. Если бы сестра на небесах узнала об этом, она тоже заплакала бы от горя».

Цзинь И помассировал виски и сказал: «Я знаю об этом деле. Здесь нет льда, невыносимо жарко. Ты лучше поскорее возвращайся к старой госпоже. Если ты выйдешь одна, все будут волноваться».

Чжоу Хуанцин помолчала, затем кивнула: «Тогда я пойду. Зять, береги себя». Сказав это, она медленно подошла к воротам двора, обернулась и, увидев, что Цзинь И стоит к ней спиной, с удручённым видом удалилась.

«Выходи», — сказал Цзинь И.

Люй Фэй, спрятавшаяся за искусственной горкой, услышала это и, дрожа, вышла, опустившись на колени: «Господин, служанка не собиралась подслушивать. Я пришла передать сообщение и случайно услышала краем уха, но служанка хотела избежать подозрений, поэтому и отошла в сторону».

Цзинь И не поверил её словам, но не стал допрашивать, а просто сказал: «Встань и отвечай. Зачем ты пришла?»

«Господин Чжоу хочет пообедать во дворе Фан Мань Тин, Гунцзы велел служанке спросить вас, можно ли?»

Цзинь И сказал: «Пусть Чэнъянь обедает там, где хочет. Иди в мой двор, попроси повара перенести некоторые продукты, приготовленные для него, к вам. Приготовьте побольше блюд к обеду».

Люй Фэй с облегчением выдохнула, поспешно ответила «есть» и удалилась.

Когда Люй Фэй и повар Цзинь И вернулись в Фан Мань Тин с множеством продуктов, Фу Мин и Чжоу Чэнъянь уже были там. Фу Мин играл мелодию для Чжоу Чэнъяня, который слушал увлечённо, время от времени хлопая рукой по колену и напевая.

После обеда пришёл Чжаоянь от старой госпожи и, увидев своего дядю, снова стал весело и нежно с ним общаться.

Чжоу Чэнъянь и Фу Мин нашли общий язык и договорились встретиться в другой раз перед отъездом.

Лишь после того, как брат и сестра Чжоу покинули поместье Цзинь, Люй Фэй нашла возможность рассказать Фу Мину о том, что услышала днём. Фу Мин, выслушав, лишь кивнул и ничего больше не сказал.

Вечером Цзинь И пришёл забрать Чжаояня. Перед уходом он спросил Фу Мина наедине: «Ты встречался с госпожой Чжоу, когда выходил из дома несколько дней назад?»

Фу Мин ответил утвердительно.

«У вас были разногласия с ней?»

«Детские обиды, я не принимаю их всерьёз».

«Она упомянула Сыжу», — объяснил Цзинь И, — «Сыжу — это девичье имя госпожи».

Фу Мин кивнул: «Она действительно упомянула покойную госпожу, но я не ответил». Умершие уже ушли, если кто-то хочет использовать их как оружие, то не нужно поддаваться, это и есть его уважение.

Цзинь И, услышав ответ Фу Мина, не знал, верить или нет, но больше не стал спрашивать. Он позвал Чжаояня к себе и, взяв его за руку, ушёл.

«Гунцзы, почему бы не объяснить поподробнее? Хотя бы повторите то, что вы говорили той госпоже Чжоу, это было бы убедительнее». Хотя Вань Лань не знала всех деталей, она безоговорочно доверяла своему господину и сейчас очень за него беспокоилась.

Фу Мин покачал головой, его лицо было спокойным: «Какая польза от лишней болтовни? К тому же, верит он или нет, зависит не от того, что я сказал, а от того, как он смотрит на меня и как смотрит на госпожу Чжоу».

По этому поводу Фу Мин не переживал. Он лишь подумал о том, что сказала Люй Фэй о поручении покойной госпожи, и о том, что он сам занял чужое место, и задался вопросом:

настанет ли день, когда он вернёт всё назад, или он останется здесь навсегда?

—

<http://bllate.org/book/12585/1118413>